

Когда уходят беды, знайте —
за вас кто-то молится. Никто большей
любви не имеет, как тот, кто свою
жизнь отдаст, а отдать жизнь — это
не обязательно умереть, это каждое
мгновение жизни посвятить любви,
творческой, зрачей, уминой, смелой любви;
любви, которая дает; любви,
которая не защищает своего;
любви, которая себя не защищает,
не замыкается — Сила Божия
в немощи совершается:
нам не надо бояться любить...

Митрополит Антоний Сурожский

Пролог

Старый дом умирал. Врываясь в щелястые перекрытия чердака, ветер с размаху бился о деревянные балки и справлял тризну по тем, чьи голоса прежде наполняли пустое пространство с распахнутой ставней и перекошенной форточкой. Шиферная крыша дала течь, и в дождливые дни к плачу ветра присоединялся стук капли о жестяное корыто на лавке возле печной трубы. Зимой небольшой дворик заметали сугробы, и тень от дома тёмно-синим одеялом ложилась на искристый белый наст снежного полотна. Летом двор зарастал травой, а осень устилала землю ковром из пёстрых листьев с деревьев вдоль забора.

Последним бастионом верности стояло крыльцо, лет десять назад покрашенное

ярко-голубой краской. И хотя краска давно облупилась, но в солнечный день нет-нет да и полыхнёт синевой, словно по ступеням кто-то случайно рассыпал букет незабудок.

Иногда вокруг дома прохаживался толстый соседский кот. Он пролезал под калиткой, тоже разохшейся и ветхой, и долго сидел на веранде, с отвращением наблюдая, как стая дроздов обклёвывает ветки черноплодной рябины и топчется по кирпичной дорожке от дома до сарая. Однажды, когда под застрехой слышалась громкая возня, кот ухитрился забраться на чердак, но вместо крыс обнаружил заблудившегося воробья, который метался в поисках выхода. Птиц кот не трогал. Лапка за лапку, кот неспешно прогулялся по чердаку между остовами ломаной мебели и немного повалялся на чемодане с продавленной крышкой. Через щёлку между досками кот видел другой дом — красивый, кирпичный, с застеклённой верандой и широкими окнами, где в кухне для него всегда стояла мисочка с кормом и удобная когтеточка из берёзового полена. Хозяйева достались коту по наследству вместе с домом. Сперва, после смерти старой хозяйки, кот целый год прожил в лесу, в лисьей норе,

лишь изредка заглядывая в родные пенаты, чтобы не дать крысам взять власть над своим королевством. Он вернулся только тогда, когда понял, что новая хозяйка очень похожа на прежнюю, которая принесла его в корзинке и налила первое блюдечко молока со сладким запахом сытости и блаженства. Кот знал, что значит остаться одному, и сочувствовал брошенному дому. Дом тоже радовался осторожным шагам кота, приветствуя его скрипом половиц и еле слышными шорохами лохмотьев обоев на стенах.

Дом думал, что обречён и скоро в его брёвна вопьются железные крючья, чтобы растащить на дрова. Но кот твёрдо знал, что если долго ждать хорошего, то оно обязательно придёт вместе с весенними грозами или приплывёт с осенним листком по реке, но если повезёт, то совсем скоро прилетит вместе с тополиным пухом. Главное — надеяться и верить!

*Санкт-Петербург,
2018^й год*

Каждый день ровно в полдень Клавдия Сергеевна Климова выходила из дома в Кирпичном переулке и поворачивала к Невскому проспекту. Не торопясь, размеренно, словно пила мелкими глотками кофе, шла привычным маршрутом мимо домов, знакомых до последней трещинки на фасаде, мимо школы, в которой прошли детство и юность, мимо конструкторского бюро, из которого её торжественно проводили на пенсию и подарили электрический чайник, расписанный хохломскими узорами.

— Дорогая, любимая Клавдия Сергеевна, вы всегда были для нас не только руководителем отдела, но и старшим другом, душевным

Санкт-Петербург, 2018 год

и чутким наставником, — вручая чайник, скорбно бубнил её заместитель. С пунцовым румянцем на щеках он безуспешно пытался скрыть восторг от того, что «старуха» уходит и освобождает место для его карьерного роста. Клавдия Сергеевна его не винила, хотя чувствовала лёгкое презрение к молодому протеже главного инженера, что работал без году неделя, а уже ухитрился пролезть в начальство...

На углу Большой Морской она замедлила шаг, окинув взглядом безупречное изящество арки Главного штаба. Дождь ли, холод, метель или жара — какая разница? Невский прекрасен в любую погоду. Он тёк в её венах, как кровь, и сколько бы раз ни приходили агенты с предложением расселить их коммунальную квартиру, Клавдия Сергеевна неизменно отказывалась: ни за что! Жизни вне Невского проспекта она не мыслила. Соседи её за это ненавидели, а она, распахивая утром глаза, предвкушала, как встанет, позавтракает, почитает новости в интернете и вольётся в пёструю толпу народа, чтобы вскоре оказаться на Малой Садовой улице около Елисеевского магазина. С другой стороны проспекта на неё величественно глянет фигура Екатерины Великой

посреди небольшого садика. Справа — Публичная библиотека, там она студенткой про-сиживала за конспектами по политэкономии, слева — Аничков дворец, бывший Дом пионеров, куда с подружками бегали в секцию шитья мягкой игрушки. Пожалуй, кроме Невского проспекта на земле было лишь одно место, где она согласилась бы оказаться: это посёлок Лапино, в пяти часах езды от Санкт-Петербурга. Давным-давно, когда кусты ромашки доставали до макушки, а паровоз казался огнедышащим драконом, у Климовых был дом в Лапино. Потом папа умер, и мама, продав дом, перевезла детей в большой город, замороживший с первого взгляда.

Малая Садовая улица, от Невского проспекта до Итальянской, была пешеходной. Около огромного гранитного фонтана-шара всегда толкались туристы и дети, в ларьке пекли чешские трдельники и продавали кофе. Гуляли парочки, спешили прохожие, хлопали двери магазинов и ресторанчиков. На карнизе одного из домов, хвост трубой, застыла бронзовая кошка Василиса, а на противоположной стороне улицы на верхотуре восседал тоже бронзовый кот Елисей. Третьей бронзовой

фигурой был фотограф в шляпе-котелке с камерой на треноге. Около него постоянно толкались туристы, чтобы сфотографироваться в обнимку. Доходя до второй скамейки, Клавдия Сергеевна всегда мысленно здоровалась с котофеями и опускалась на сиденье ждать улова. Когда-то во дворе дома стояла скульптура доброй собачки Гаврюши и висел почтовый ящик для записочек с желаниями. Потом Гаврюша исчез вместе с почтовым ящиком, но память о нём осталась, и нет-нет да кто-нибудь и положит под камень заветный клочок бумаги с наскоро нацарапанными строками. Намётанным взглядом Клавдия Сергеевна сразу определяла тех, кто собирается оставить записку. Тревоги и горе люди несли на Смоленское кладбище, к блаженной Ксении Петербургской, а здесь ерунда, пустое — детская игра наподобие секретиков. Но ни одно написанное слово не должно кануть в Лету, тем более в электронную эпоху, когда одним нажатием пальца слова и мысли без остатка стираются с доски жизни. Долговечно лишь то, что написано пером.

За прошедшее время Клавдия Сергеевна успела познакомиться со старожилами этого

отрезка Невского. Например, она знала, что у человека-статуи Пети, что изображал трубочиста, недавно родилась дочка Аллочка, а улыбчивая дворничиха Фатима вот-вот получит российское гражданство и сразу станет искать работу по своей специальности модельера-конструктора.

Обычно местная публика проскальзывала перед взглядом Клавдии Сергеевны, не оставляя следа в памяти, но высокую девушку лет двадцати пяти она выделила сразу. Было в ней нечто неуловимо знакомое и близкое: то ли порывистость в движениях, то ли длинные тёмно-русые волосы, похожие на потускневшее серебро, то ли серьёзное выражение лица, на котором лучом солнца проскальзывала ясная детская улыбка. Стоял прохладный июнь, и девушка была одета в голубые джинсы, красную блузку и длинный жакет ниже колена. На молнии кожаной сумки болтался яркий брелок в виде яблока.

С напряжением вытянув шею, Клавдия Сергеевна замерла. Почему-то ей захотелось, чтобы именно эта девушка свернула в арку двора, исхоженную тысячами шагов. Войдёт — не войдёт? Войдёт — не войдёт?

Девушка остановилась и рассеянно посмотрела на арку, словно размышляя, стоит заглянуть туда или нет.

«Войди, войди, ну давай! Напиши записку!» — мысленно подбодрила её Клавдия Сергеевна.

Расстегнув сумку, девушка пошарила рукой внутри и достала блокнот и шариковую ручку.

Есть! Клавдия Сергеевна возликовала.

Мимолётно оглянувшись, девушка нырнула в арку двора к бывшей собачке Гаврюше, и Клавдия Сергеевна в мыслях прибавила в свой карман новую записочку. Она не сомневалась, что сумеет отличить её от других. Такие девушки умеют думать нестандартно.

Обычно дневной улов составляли от пяти до пятнадцати записочек. Интересно, сколько будет сегодня?

После высокой девушки во двор вошли три девчонки с губами, накрашенными чёрной помадой, и дредами на волосах. Следом хихикающая парочка влюблённых, из тех, что вдевают замочки в перила моста. Клавдия Сергеевна могла поклясться, что парочка наверняка оставит какое-нибудь романтическое послание

Ирина Богданова. *Уральски каллиграфши*

в духе: «Паша + Маша = любовь до гроба». Молодёжь часто кидается фразами, смысл которых начинает постигаться лишь к старости.

Затем наступило затишье и начал накрапывать мелкий противный дождик. Замёрзнув, Клавдия Сергеевна решила не рисковать подхватить простуду и направилась во двор. Придавленные кирпичом, записки терпеливо дожидались своей участи. Их оказалось всего пять, и одна среди них — от незнакомки в длинном жакете. Вечер обещал принести сюрпризы. Клавдия Сергеевна улыбнулась, раскрыла зонт и медленно пошла домой, глубоко вдыхая запах многолюдного Невского проспекта, что стелился ей под ноги дорогой между прошлым и будущим.

*Ленинград,
1968 год*

В Ленинград Клава с мамой и младшим братишкой Васькой приехала из посёлка Лапино, где невдалеке от дома весело журчала река Лапа, а глубина леса прятала среди берёз и елей большой деревянный крест, возле которого тугими бурунчиками пробивался родник с прозрачной ледяной водой. Но потом папа умер, родник засыпали кучей мусора, а мама стала собирать вещи для переезда.

Немного подумав, Клава обмакнула перо в чернильницу и крупными буквами старательно вывела на тетрадном листе в косую линейку: «Лапино». Как бы она хотела вернуться назад, в родной бревенчатый дом с сосновым запахом стен, разогретых солнцем, и золотой россыпью одуванчиков вдоль забора — сколько венков

из них сплетено, сколько пушистых парашютиков пущено по ветру! Ранней весной они с братом пускали ручейки и строили запруды из щепок, а зимой бегали на гору кататься на санках.

Частенько санки переворачивались в сугроб, и тогда надо было выкарабкиваться из снежной западни, делая вид, что заехала в сугроб не случайно, а ради баловства, иначе беда — соседские ребята засмеют как нескладёху.

Дом мама продала каким-то Корзинкиным, но перед отъездом Клава успела забраться на чердак и спрятать в потайной уголок спичечный коробок с секретиком из коричневого стекла, обкатанного в реке, и трёх полосатых бусинок на суровой нитке. Пусть дом хранит её секрет, покуда она не вырастет и не вернётся в него опять.

Первый класс давался Клаве с трудом по той простой причине, что она уродилась левшой.

— Ты, Климова, должна стараться писать правой рукой, — сказала учительница, — иначе будешь размазывать чернила по странице. Посмотри на прописи и подумай, как надо делать правильно, чтобы выработать каллиграфический почерк.

Прописи были выданы каждому ученику, и буквы плыли по строчкам прекрасными лебедями с изогнутыми шеями. Особенно красиво получалось там, где жирный нажим пера плавно переходил в тонкую волосяную линию.

«Ах, если бы научиться так писать!» — думала Клава, глядя на раскрытую страницу прописей, где каждая строчка завораживала неведомой гармонией линий и форм. У буквы А перекладинка своим изгибом напоминала морскую волну, а головка буквы Р завивалась двумя полукруглыми рожками озорного барашка. Клава старалась не думать, как будет приступать к букве Щ. При одном только взгляде на эту букву ей становилось страшно: разве можно выписать одновременно три палочки, начальную загогулилку, да ещё и хвостик?

Клавины буквы выходили корявыми, как сухие ветки и, будто деревенский пьянчужка дядя Паша, норовили завалиться набок. Сначала первоклашки писали карандашом, и только к новогоднему празднику лучшим ученикам учительница поставила на парты чернильницы. В параллельном классе сразу писали авторучками, но своих учеников Лидия

Арнольдовна воспитывала по старинке. Клава очень завидовала тем, кто гордо доставал из пенала ручку с пёрышком-вставочкой и гордо поглядывал на одноклассников: смотрите, мол, какой я умный и аккуратный. Ей позволили писать ручкой лишь ближе к весне, когда за школьным окном разгулялась вьюга и крупные хлопья стучали в стекло, словно просились в класс к тёплой печке. С замиранием сердца Клава окунула перо в чернильницу-непроливайку и замерла от счастья, едва на лист в косую линейку легла робкая чернильная полоса.

— Это будет мой самый памятный день, — сказала она маме.

И та согласно закивала головой:

— Учись, доча, на одни пятёрки. Наше поколение война искалечила, а тебе кровь из носа надо получить образование и выбиться в люди, иначе будешь как я на фабрике горбатиться. Папка помер, на ноги тебя поднять некому, придётся везде самой карабкаться.

Чтобы Клава лучше запомнила наказ, мама приблизила к её лицу натруженные ладони, поперёк исчерченные тонкими нитяными порезами, потому что мама работала ткачихой

на ткацкой фабрике. От того, что в цеху постоянно стоял немолчный шум, мама натужно орала, и тогда соседка по коммунальной квартире начинала яростно стучать в стену, а при встрече злобно шипела в спину:

— Понаехала в город всякая лимита. Привыкли у себя в деревне глотку драть и не дают порядочным людям отдохнуть спокойно. Ленинград не резиновый!

Соседка работала буфетчицей в столовой, поэтому от неё часто пахло едой и папиросным дымом. Клава соседку не любила и боялась. Они и вправду были лимитчиками. Так называли тех, кто приехал работать на производство по специальному набору — лимиту и не имел права уволиться. Лимитчиков брали на самое тяжёлое производство и чаще всего селили в общежитие, но Клавиной маме несказанно повезло, потому что кадровик оказался однополчанином мужа и выделил ей комнату в коммунальной квартире — целых пятнадцать метров счастья!

Едва они впервые переступили порог своей собственной комнаты, брат Колька вскарабкался на подоконник и высунулся в форточку, а мама села на чемодан, закрыла лицо руками

и заплакала. Клава бестолково бегала вокруг, гладила маму по голове, по плечам, по щекам, залитым слезами, и испуганно причитала:

— Почему ты плачешь? Здесь так хорошо! Посмотри, сколько места, плясать можно!

Чтобы развеселить маму, она и вправду поставила руки в боки и задробила пятками по половицам, мгновенно получив в ответ мерные удары в стену и громкий крик соседки:

— Немедленно прекратите шуметь, иначе я милицию вызову!

Постепенно пустая комната обростала вещами, а когда Клава пошла в школу, у них был двухстворчатый фанерный шкаф, обеденный стол с венскими стульями, раскладушка для мамы и узкая кушетка, на которой они с братом спали валетом: головами в разные стороны. Колькины ноги часто задевали Клаву во сне и придавливали к стенке, поэтому она привыкла спать, сжавшись в комочек на самом краю кушетки. Несколько раз она падала на пол, и тогда мама с виноватым лицом целовала её в лоб:

— Потерпи, Клавдюшка, подзаработаю чуток и куплю кровать пошире, тем более что вы растёте не по дням, а по часам.

Клава и впрямь росла очень быстро и в классе в шеренге стояла самая первая — высокая, худая, голенастая, с тощими серыми косичками и острыми плечиками, с которых всё время спадали лямки школьного фартука.

— И в кого ты уродилась такая длинная? — сама себя спрашивала мама и сама себе отвечала: — Видать, в папину родню, они все рослые, что верста коломенская.

Что такое коломенская верста, Клава не знала, но одноклассница Белла Мышкина попробовала обозвать её дылдой, за что немедленно получила кулаком в спину, а потом ревела на всю школу, что Клавка Климова дерётся.

Вспомнив суровый разговор с учительницей о хулиганстве, Клава вздохнула, и с первой ручки в тетрадку едва не упала жирная клякса. Маме Клава не стала рассказывать про драку — поведала умершему папе. Ему всё можно рассказать, он не станет ругать. Мысленно Клава часто обращалась к отцу, каждый раз чувствуя на своей голове его тяжёлую руку и воображая, как он тихим голосом утешает:

— Ничего, дочка, и эту беду перегорюем.

Клава склонила голову над прописями, и непослушные пальцы снова закорябали по бумаге: нажим, волосяная, нажим, волосяная...

Она бросила короткий взгляд на куклу, терпеливо ожидающую конца уроков на подоконнике, и подумала, что поиграть уже не успеет, потому что к маминому приходу надо почистить картошку, вскипятить чайник и помыть посуду, а ещё подмести пол, сложить портфель и выучить стихотворение к Первому мая. Хлопот полон рот.

* * *

— Климова, подойди ко мне после урока.

Учительница строго посмотрела на Клаву, и та тревожно нахохлилась, соображая, в чём провинилась. Лидия Арнольдовна еле заметно улыбнулась:

— Я хочу дать тебе важное поручение.

Лидия Арнольдовна всегда ходила в школу в одном и том же синем платье с маленьким белым воротничком, и Клава думала, что платье Лидии Арнольдовны — самое красивое на свете. Когда учительница подходила к её парте, Клава замирала от ощущения благоговения. Учителя казались ей необыкновенными,

особенными людьми, с тайной жизнью, закрытой от посторонних глаз за семью печатями. Один раз они с девчонками гадали, ходят учителя в туалет или нет. Но то, что учителя покупают продукты, это точно, потому что Оля Суровцева недавно встретила Лидию Арнольдовну в магазине с большой сумкой, из которой торчал бочок капустного кочана. Подумать только — учителя тоже едят капусту!

Едва дождавшись конца урока, Клава подошла к учительскому столу. Лидия Арнольдовна подняла голову от журнала:

— Клава, ты, кажется, живёшь рядом с Беллой Мышкиной?

— Да, — Клава кивнула. — В соседнем доме. У нас дом семь, а у Беллы девять. Только туда надо через двор пройти.

— Хорошо, — сказала Лидия Арнольдовна, — раз ты знаешь, где это, то я попрошу тебя навестить Беллу и отнести ей домашнее задание. Её мама предупредила, что Белла заболела. — Лидия Арнольдовна полистала тетрадку. — У них квартира номер пятнадцать. Запомнишь?

— Запомню, Лидия Арнольдовна, — горячо произнесла Клава, гордая, что учительница

обратилась именно к ней, а не попросила задаваку Надю Горбову, которая тоже живёт неподалёку от Мышкиных.

На улице бушевала весна. Тёплый ветер кружил голову запахом зелёных почек и разогретого асфальта. В деревне она давно бы сбегала в поле и наломала веток вербы с пушистыми зайчиками, а здесь город, и нельзя сорвать даже прутик, не говоря о букете.

Клава не стала застёгивать пальтишко, а косынку с головы запихала в карман. По щеке приятно заскользили солнечные лучи, что всю зиму прятались за пузатыми тучами. В луже на мелководье купался воробей. Девчонки во дворе школы прыгали в классики, мальчишки гоняли в футбол чей-то старый ботинок с оторванной подошвой. Старшеклассницы неспешно прогуливались под ручку вокруг клумбы с пожухлой травой. На первом этаже школы техничка тётя Маруся протирала окно в кабинете директора.

Подхватив портфель под мышку, Клава немного попрыгала на одной ножке, но потом вспомнила про важное поручение и пошла степенным шагом, хотя очень хотела помчатся по тротуару вслед за сухими листьями.

Завтра объявлен общегородской субботник, и все прошлогодние листья сгребут в кучи и сожгут, чтобы дать пробиться свежей траве на газонах. Догоняя сухие листья, Клава незаметно добралась до нужного дома и потянула на себя тяжёлую дверь в подъезд. На стуле у лифта сидела и вязала толстая бабушка в пуховом платке. При виде Клавы она оторвалась от работы и поправила очки:

— Девочка, ты к кому?

— К Белле Мышкиной. Учительница велела отнести ей домашнее задание.

— Ах, к Беллочке! — Губы лифтёрши сложились в трубочку, словно хотели поцеловать воздух. Она с прищуром посмотрела на Клаву, оценивая старое пальтишко с короткими рукавами и простенькие резиновые ботики, купленные ещё в сельмаге Лапино на вырост. — Ну беги. Их квартира на третьем этаже. Лифт вызывать не буду, у тебя ножки молоденькие — сама поднимешься.

Подниматься по лестнице Клава начала резво, но на втором этаже вспомнила, как Белла обзывала её дылдой и она стукнула её кулаком по спине. Ноги сразу же стали ступать тише и медленнее. У дверей Мышкиных она

недолго постояла в раздумьях, не убежать ли обратно, а учительнице сказать, что дома никого не застала. Но тут же вспомнила, что обманывать стыдно, тем более октябрятам, и нехотя нажала кнопку звонка.

— Кто там? — спросил молодой голос, и дверь приоткрылась на ширину толстой цепочки.

— Это я, Клава. Учительница Лидия Арнольдовна велела отнести Белле домашнее задание.

— Ну проходи. Только разуйся. И пальто сними, вон оно у тебя какое драное. В таком только вагоны разгружать.

Клава подняла голову и посмотрела на белокурую девушку в клетчатом переднике, гадая, кто это. Мама? Старшая сестра?

Перехватив взгляд, девушка брезгливо поджала губы, и Клава неожиданно для себя дерзко ответила:

— Если вам не нравится моё пальто, то я могу и уйти.

Лицо девушки сердито передёрнулось, но тут из комнаты донёлся резкий голос Беллы:

— Маруся, кто там пришёл?

Девушка покраснела и сиропно-сладкоречиво просюсюкала:

— Беллочка, тебе девочка домашнее задание из школы принесла.

— Так пропусти её сюда. Что ты там возишься?

— Иди, иди, — девушка легонько подтолкнула Клаву в спину по направлению к комнате, где ожидала Белла.

Судя по широкому коридору с красной ковровой дорожкой и трём распахнутым дверям, квартира была просторная и светлая. Мягко отсвечивал медовым цветом натёртый паркет в гостиной. Из кухни вкусно тянуло запахом пирогов и котлет. Клаве до боли в животе захотелось есть, и она с тоской подумала, что ещё не скоро дойдёт до дома, где её ждут холодные макароны в кастрюльке между оконных рам.

Обложенная со всех сторон подушками, Белла возлежала на огромной кровати на ярком покрывале. Напротив высокого трюмо на подзеркальнике теснились разноцветные баночки, шкатулочки, флаконы с духами и стоял серый фарфоровый слон. Точно такой же слон жил на тумбочке соседей по коммунальной квартире, и Клава всегда думала, что ему очень одиноко и грустно вдали от родной Африки.

Хотя горло больной Беллы плотно укутывал пушистый красный шарф, выглядела она бодро и весело.

— Проходи, садись на банкетку. — Белла скомкала обложку от шоколадки и облизала пальцы. — Говоришь, домашку принесла?

Клава не стала усаживаться, а поставила на банкетку портфель и кивнула:

— Да, Лидия Арнольдовна велела тебе делать уроки по русскому и арифметике, чтобы не отстать от программы.

— Ненавижу арифметику. — Привстав на коленках, Белла заглянула в зеркало и подкрутила локоны на плечах. — Знаешь что? Реши за меня примеры, а я тебе дам пирожное. — Не дожидаясь ответа, она звонко крикнула в глубину квартиры: — Маруся, принеси нам чай и пирожное!

— Это твоя сестра? — быстро спросила Клава, пока с кухни доносились звяканье чашек и бульканье чайника.

— Ты что, того? — Белла покрутила пальцем у виска. — Маруся наша домработница. Знаешь, кто у меня родители?

— Нет, не знаю, — растерялась Клава.

— Мой папа директор магазина, а мама товаровед. Им некогда заниматься хозяйством.

Клава не поняла, почему Беллиным родителям некогда, если все другие взрослые и работают, и занимаются хозяйством, но спорить не стала, потому что перед глазами появился поднос с пирожными и двумя чашками чая. На тонком белом фарфоре чашек голубел мелкий рисунок из цветочков, и приятно пахло свежей заваркой. Но пирожные! Клава с восхищением посмотрела на поднос. Никогда прежде ей не доводилось видеть такие чудесные пирожные, похожие на розовую пену в песочных корзиночках. Пена красиво закручивалась спиралью, и на верхушке воздушной башенки лежала сахарная вишенка с торчащим хвостиком. Простые ткачихи, как Клавина мама, и не подозревали о существовании таких сладостей. Пирожные на подносе принадлежали другому миру с тонким запахом духов «Красная Москва» и шелестом шёлковых платьев вокруг ножек в нейлоновых чулках со стрелками.

— Обожаю зефирное, — сказала Белла. Она схватила одно из пирожных и откусила большой кусок. На носу повис клочок розовой пены. Белла вытерла его салфеткой и причмокнула губами. — Ты не представляешь, как

вкусно! — Шумно отхлебнув чай, она с набитым ртом напомнила: — Если решишь за меня примеры по арифметике, то второе пирожное твоё.

«Списывать — значит обмануть, — вспомнила Клава слова учительницы. — Настоящие октябрята — правдивые ребята и будущие пионеры». Она прикоснулась к октябрятской звёздочке на фартуке и почувствовала горячий укол совести, словно от уголька обожглась. Но ведь в клятве октябрят они обещали помогать товарищам! Затаив вздох, Клава покосилась на пирожное с влажно отблёскивающей вишенкой. Что плохого, если она решит примеры и поможет Белле?

— Не хочешь — как хочешь, — сказала Белла. — Пирожное я сама смогу съесть, а примеры мне папа сделает. — Очень медленно она протянула руку к подносу: — Ням-ням. — Её ладонь зависла над пирожным. — Я сегодня добрая, поэтому в последний раз спрашиваю: решишь примеры?

Клава посмотрела на вишенку, которая просилась к ней рот, и расстегнула портфель.

— Решу. Давай сюда тетрадку.

Примеры оказались совсем лёгкими, а вот пирожное почему-то тяжёлым. Под внима-

Ленинград, 1968 год

тельным взглядом Беллы она откусила первый кусочек, и рот наполнился приторно-тягучей сладостью, прилипшей к зубам. Жевать дальше стало противно, а выплюнуть стыдно.

— Правда вкусно? — довольным голосом спросила Белла. — Мне мама каждый день пирожные приносит. И торты тоже.

Борясь с тошнотой, Клава кое-как доела пирожное и поняла, что больше всего на свете хочет сейчас оказаться дома в родной коммуналке, съесть кусочек присоленного чёрного хлеба, политого постным маслом, и выпить чашку киселя из клюквенного варенья. В отличие от хлебushка пирожные хороши иногда и только тогда, когда на душе светло и ясно.

*Санкт-Петербург,
2018 год*

Июнь. Белые ночи перламутровой пеленой растекались по городу, приглушая тусклый блеск закатного солнца. Крылья разведённых мостов вздымались вверх, отворяя Неве путь в беззвёздное небо, чуть подкрашенное розоватыми всполохами.

Хотя двор-колодец поглощал звуки улицы, биение шумного центра долетало в окно отголосками музыки у метро «Адмиралтейская» и неясным звуком движения машин по мостовой Кирпичного переулка. На широком подоконнике рельефным силуэтом выделялся засохший букет белых роз.

Он будет стоять здесь ещё долгую петербургскую зиму, начало весны и короткое лето, до следующего дня рождения. Много

лет подряд в день рождения Клавдия Сергеевна получала с нарочным букет роз, ровно двадцать одна штука, с тугими росистыми головками на длинных стеблях. Она точно знала, от кого они, но каждый раз сердце замирало в ожидании чуда, которое не происходило.

Дождавшись, когда соседи за стеной затихли, Клавдия Сергеевна неспешно попила чаю и выключила телевизор — наступало самое желанное время суток, наполненное покоем и шорохом пера по бумаге. Минуту, когда она усядется за работу, Клавдия Сергеевна начинала предвкушать с самого утра. Одиночество имеет свои преимущества. Главное — правильно им распорядиться и войти в него без страха, не терзая себя вопросом «За что», а задаваясь мыслью: «Зачем?»

Свой письменный стол Клавдия Сергеевна обожала. В идеальном порядке на нём были разложены стопки чистой бумаги, стояла выцветшая фотография родителей в овальной рамке и, главное, находился прекрасный старинный письменный прибор, на который в своё время была ухлопана вся тринадцатая зарплата в конструкторском бюро, где она работала инженером. Прибор состоял из двух чернильниц

гранёного хрусталя, яшмового стаканчика для карандашей и тяжёлого пресс-папье с крохотной серебряной птичкой вместо ручки. В одну чернильницу наливались фиолетовые чернила, в другую — красные, для дат и заглавных букв в начале абзаца.

Клавдия Сергеевна зажгла потёртую настольную лампу, купленную с первой стипендии, и в круге света разложила свою добычу на столе. Каждый раз, разворачивая записку, она чувствовала, что одним глазком подглядывает в чужие тайны, и это накидывало на её занятие флёр романтики и таинства, будто бы сторонняя жизнь пролетала мимо, колыхая воздух шелестом крыльев.

Изначально Клавдии Сергеевне даже в голову не пришло бы читать послания, не предназначенные для посторонних глаз. Много лет подряд она переписывала одну и ту же книгу, давным-давно посланную ей в утешение обыкновенным ангелом в виде растрёпанной женщины с авоськой в руках.

Но однажды по зиме во время прогулки она разговорилась с дворником Фатимой, а та упомянула, что все записки, оставленные во дворе, выбрасывает в мусор.

— В мусор? Как можно? — задохнулась Клавдия Сергеевна. Такое неуважение к написанному ей показалось чудовищным.

— А куда? — пожала плечами Фатима.

«Действительно, куда? — подумала Клавдия Сергеевна, и ответ напросился сам собой, эхом закружив над Малой Садовой: — Мне! Мне! Мне! Я заведу прекрасную тетрадь в кожаном переплёте, с любовью и тщанием запечатаю каждое слово, и оно заиграет, подобно жемчужинам, нанизанным на шёлковую нить».

Развернув первую записку, Клавдия Сергеевна пробежала её глазами и обмакнула перо в красные чернила. Сначала дата: нажим на хвостике у двойки, переходящий в тонкий штрих. Несколько мгновений она полюбовалась на свою работу, а затем сменила ручку для фиолетовых чернил.

«Хочу новую сумку». — Она улыбнулась. Ну что же, вполне понятное желание, оно из тех мелочей, что привносят в жизнь крошечные радости.

На следующем листке было нарисовано нечто вроде собаки с рогами и красовалась решительная подпись: «Данила Маликов козёл».

Наверняка сие творение принадлежит двум вертихвосткам с чёрными губами.

«Пусик, я тебя люблю! Чмоки-чмоки». — Влюблённая парочка.

«Хочу много денег». — Клавдия Сергеевна вспомнила долговязого парня в шортах и подумала, что в деньгах нуждается именно он.

У последней записки она помедлила, угадывая девушку в длинном жакете, что обратила на себя внимание. Почему-то подумалось о необычном послании. Ну не она же написала про козла или Пусика! Да и про сумку с деньгами навряд ли.

Оттягивая момент, Клавдия Сергеевна обтёрла перо от налипших ворсинок с бумаги и только затем прочла написанное единственное слово: «Если».

Её глаза расширились от удивления: и это всё?

Если... если... Одно из значений слова «Если» — потенциально возможное условие, например: если ты сделала глупость, то не пеняй на судьбу.

Клавдия Сергеевна потёрла лоб. Она совершила в жизни немало глупостей. Так же, как и все люди, ошибалась, злилась, сгоряча

Санкт-Петербург, 2018 год

ломала дров, перечила назло, не задумываясь, что каждый человеческий поступок останется записанным на судьбе отнюдь не с каллиграфической гармонией.

Но самое главное «если», которое привело её в подъезд дома на улице Плеханова, она не променяла бы ни на что, даже если бы пришлось начать жизнь сначала.

Содержание

Пролог.....	7
Санкт-Петербург, 2018 год.....	10
Ленинград, 1968 год.....	17
Санкт-Петербург, 2018 год.....	34
Ленинград, 1982 год.....	40
Санкт-Петербург, 2018 год.....	54
Ленинград, 1982 год.....	72
Санкт-Петербург, 2018 год.....	81
Ленинград, 1982 год.....	96
Ташкент, 1982 год.....	105

Содержание

Санкт-Петербург, 2018 год.....	122
Ленинград, 1982 год.....	140
Афганистан, 1982 год.....	149
Санкт-Петербург, 2018 год.....	154
Ленинград, 1983 год.....	185
Афганистан, 1983 год.....	203
Ленинград, 1983 год.....	226
Афганистан, 1983 год.....	230
Санкт-Петербург, 2018 год.....	234
Ленинград, 1983 год.....	248
Афганистан, 1983 год.....	254
Санкт-Петербург, 2018 год.....	261

Содержание

Лапино, 2018 год.....	274
Санкт-Петербург, 2018 год.....	280
Афганистан, 1983 год.....	285
Ленинград, 1984 год.....	295
Посёлок Лапино, 2018 год.....	300
Ленинград, 1984 год.....	312
Афганистан, 1984 год.....	318
Афганистан, 1984 год.....	322
Лапино, 2018 год.....	329
Санкт-Петербург, 2018 год.....	342
Афганистан, 1984 год.....	361
Лапино, 2018 год.....	370

Содержание

Афганистан, 1984 год.....	376
Ленинград, 1984 год.....	381
Ташкент, 1984 год.....	384
Санкт-Петербург, 2018 год.....	396
Ленинград, 1984 год.....	409
Санкт-Петербург, 2018 год.....	413
Ленинград, 1984 год.....	433
Санкт-Петербург, 2018 год.....	447
Москва, 1990 год.....	463
Санкт-Петербург, 2018 год.....	467
Сирия, Сайданайя, 2015 год.....	525
Санкт-Петербург, 2019 год.....	535